

метно оживилась в Константинополе деятельность культурной элиты²⁷. Трагедия 1204 г., раздумья о превратностях судеб империи, о возможностях ее возрождения стимулировали уже в эпоху Никейской империи работу мысли, обусловили более глубокое изучение и античного прошлого, и знаний античности. Никейская эпоха дала несравненных эрудитов и энциклопедистов, как духовных, так и светских, отличавшихся высокой преданностью знаниям и осознанием их значимости. Именно в эту эпоху упрочилось отношение к философии и античному наследию как сумме практически полезных знаний, понимание их пользы для развития общественных отношений.

В первой половине XIV в. в Константинополе разворачивается деятельность целой плеяды эрудитов, непосредственно причастных к управлению общественной жизнью империи. Задачи возрождения Византии с особой остротой ставили перед византийским обществом проблемы укрепления экономики и упрочения государства, вопросы о роли центральной власти в этом процессе. Былой идеал сильного правителя казался недостаточным. Необходимыми признавались теперь разум, опыт и знания. Идеальной для роли правителя считали просвещенную, всесторонне образованную личность. В политической теории появились элементы рационализма. Рост социальной напряженности обусловил интерес к теме «справедливости» как средству консолидации общества. Уже с 20-х годов XIV в. в общественной мысли Византии развернулась борьба течений, отражавших крах надежд на возрождение былого величия и процветание Византии, нарастали внутренние противоречия и социальная рознь²⁸. Сторонники светских знаний и рационалистического метода, в том числе и в постижении божества, враждовали с приверженцами «спасения» лишь на путях усиления веры и благочестия. Именно в это время рождается «новая теология» Григория Паламы (1296/7—1360) — поворот от господствовавших ранее воззрений в православии в сторону крайнего мистицизма. В 30-х годах разгорелась полемика с исихастами, возглавлявшимися Паламой. Постепенно она приобретала все более широкое общественное значение²⁹. Росла роль монашества, в особенности Афона как центра религиозно-общественной жизни страны.

К 1340 г. окончательно рассеялись иллюзии возрождения могущества Византии. Выдвигалась проблема ее спасения, выживания. Как писал Алексей Макремволит, «управляющее миром Провидение ведет дела то к успеху, то к неудаче». Византия с трудом противостояла натиску соседей. Социальные отношения обострились до крайности. В 1341 г. произошел {211} взрыв³⁰. Со смертью Андроника III вся полнота власти фактически перешла в руки Иоанна Кантакузина, ставшего регентом при малолетнем наследнике Иоанне V Палеологе (1341—1391). Ситуация коренным образом отличалась от обстановки начала гражданской войны «двух Андроников», означавшей, в сущности, династическую борьбу за власть. Тогда Иоанну Кантакузину удалось использовать рост недовольства налоговым гнетом правительства, щедро раздававшего привилегии феодалам. Теперь в роли главного угнетателя и источника бедствий народа предстала феодальная аристократия, чрезвычайно усилившая к этому времени свое могущество на местах, превращавшая города в свои резиденции, центры локального феодального владычества. Процветало ростовщичество, которое сгубило города». «Кто будет,— спрашивал Алексей Макремволит,— ремесленником, земледельцем, купцом, зная, что все приобретенное достанется другим?» (*Al. Makr. Dial.* P. 26.10—12). Пропасть между бедными и богатыми росла. Положение купечества ухудшалось. Его привилегированные и энергичные итальянские конкуренты «превзошли в бесчеловечности и жестокости всякого варвара и нечестивца». Служила знать видела серьезнейшую угрозу своим доходам от налоговых поступлений в упрочении всевластия земельной аристократии, угрожавшей устоям центральной власти.

Оппозиция Иоанну Кантакузину и стоявшей за ним аристократии провинций спланивалась вокруг императрицы-матери Анны Савойской, наследника и патриарха Иоанна Калеки. Практическим ее главой стал Алексей Апокавк, в юности налоговый чиновник, теперь руководивший финансовыми ведомствами и являвшийся душой флота. Сторонников Кантакузина в

²⁷ Медведев И. П. Указ. соч.; *Sevčenko I. Society and intellectual life in late Byzantium.* L., 1981.

²⁸ Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е годы XIV в.). Свердловск, 1981.

²⁹ *Meyendorff J. Byzantine Hesychasm.* L., 1974.

³⁰ История Византии. Т. 3. С. 135—161.